

УДК 343.81

DOI: 10.17223/22253513/20/9

В.И. Селивёрстов

ИЗМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Развитие социально-политических и правовых процессов в Российской Федерации и в мире в целом отличается ярко выраженным динамизмом. Не является исключением и уголовно-исполнительная политика, и уголовно-исполнительное законодательство. Причем динамизм изменений таков, что по событиям даже одного года можно проследить как подтверждение, так и опровержение, казалось бы, незыблемых тенденций в развитии этих политико-правовых явлений. Проследим, как же изменились политика и уголовно-исполнительное законодательство в течение 2015 г.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, уголовно-исполнительное законодательство, уголовно-исполнительная система, сфера исполнения лишения свободы.

Уголовно-исполнительная политика. В 2010 г. была принята Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (далее – Концепция). Она была утверждена Распоряжением Правительства РФ № 1772-Р от 14 октября 2010 г.¹, что вызвало определенное недоумение, поскольку ранее все концептуальные документы подобного типа принимались Президентом Российской Федерации.

Попытки реализации Концепции принесли большее число неудач, чем успехов. О необходимости внесения существенных корректив, устранении системных недостатков, а нередко просто об авантюризме разработчиков Концепции неоднократно писали ученые, правозащитники и практики. При этом данная дискуссия проходила не только в научных изданиях [4. С. 159–167; 7. С. 15], но и в средствах массовой информации [1, 5, 6, 8]. Поэтому можно с удовлетворением отметить, что Распоряжением Правительства РФ № 1877-Р от 23 сентября 2015 г.² в Концепцию был внесен ряд принципиальных изменений и дополнений.

Во-первых, исключен раздел Концепции, предусматривающий поэтапный переход на тюремное содержание осужденных, для чего необходимо было к 2016 г. открыть 246 тюрем общего режима (в том числе 58 тюрем для женщин), 161 тюрьму усиленного режима и 21 тюрьму особого режима, всего 428 тюрем, отвечающих по условиям содержания осужденных международным европейским стандартам. В новой редакции Концепции данная задача поставлена как «создание условий для постепенного снижения количества

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Собрание законодательства РФ. 2015. № 40. Ст. 5581.

осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях, в том числе в приоритетном порядке в воспитательных колониях». Можно считать это большой победой пенитенциарной науки, поскольку именно наука первой констатировала, что постановка перед уголовно-исполнительной системой заведомо нереальных задач отвлекает и так довольно скудные силы и средства от решения злободневных текущих и перспективных вопросов. Необходимо также отметить роль государственных и общественных правозащитников, которые усмотрели в постановке нереальной к реализации цели построения к 2016 г. тюремной системы угрозу массовых нарушений прав человека при отбывании лишения свободы. Это довольно быстро из угрозы переросло в реальные явления, а именно в вымогательства денежных средств с осужденных и их родственников для построения тюремных помещений.

Во-вторых, из Концепции исчезло упоминание о делении осужденных на «способных к ресоциализации» и не способных к таковой. Теоретические выкладки о возможности применения теории Чезаре Ломброзо к пенитенциарной практике Российского государства не выдержали испытания временем и были исключены из рассматриваемого нами политического документа.

В-третьих, Концепция была дополнена новым самостоятельным разделом «Обеспечение прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей». В данном разделе предусмотрен целый комплекс мер политико-правового и организационного характера.

Так, предусмотрено совершенствование законодательства Российской Федерации, а также практики его исполнения в сфере соблюдения прав, законных интересов и человеческого достоинства лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, с учетом международных стандартов, в том числе стандартов Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, решений Европейского суда по правам человека, а также требований Европейских пенитенциарных (тюремных) правил.

В Концепции не указаны Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы), поскольку они были приняты в новой редакции Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 2015 г., т.е. до внесения изменений. Однако Правила Манделы содержат ряд новых положений, направленных на предупреждение и фиксацию этих негативных явлений, в том числе при особой роли медицинского персонала, а также рекомендуют процедуру расследования имевших место пыток, другого жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания¹.

Планируется ввести дополнительные гарантии соблюдения прав человека при отбывании лишения свободы, в частности, исключить гриф секретности из актов, затрагивающих права и обязанности осужденных; обеспечить в полном объеме их права на личное участие в суде, в том числе (по возможности) в режиме видео-конференц-связи по вопросам досрочного освобожде-

¹ URL: http://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_24/resolutions/L6_Rev1/ECN152015_L6Rev1_r_V1503587.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

ния, по гражданским и другим делам; пересмотреть порядок производства обысков и досмотров осужденных и жилых помещений, посылок, передач и бандеролей; расширить способы поддержания социальных связей посредством использования электронных устройств, Интернета и телефона; усовершенствовать порядок фиксации медицинскими работниками телесных повреждений у осужденных с направлением материалов в компетентные органы; оптимизировать механизм принятия ведомственных решений о переводе осужденных в исправительные учреждения по месту жительства и т.д.

Особо следует отметить положение данного раздела Концепции о создании условий для индивидуального подхода к обеспечению личной безопасности педагогов. Ранее, а именно в 2012–2013 гг., в исправительных учреждениях ряда регионов были введены меры безопасности для учителей школ и профессиональных учебных заведений, заключающиеся в помещении на время урока преподавателя в пространство, отделенное от осужденных решетками, если сказать проще, в клетку. Данное нововведение вызвало крайне отрицательную оценку учителей, правозащитников и ученых [3]. После обсуждения этого вопроса в Общественной палате Российской Федерации его введение в других регионах было приостановлено.

Еще одно принципиальное положение данного раздела Концепции заключается в переработке критериев оценки деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в сфере обеспечения прав человека, в том числе с учетом мнения Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, институтов гражданского общества. Суть данного положения Концепции заключается в последовательном решении двух проблем.

Первая – это учет в качестве одного из основных критериев эффективности деятельности исправительных учреждений уровня соблюдения прав человека при отбывании лишения свободы. Это важнейший показатель социального благополучия уголовно-исполнительной системы, действительно оказывающий существенное влияние на эффективность ее деятельности. Трудно предположить, что в условиях нарушения прав человека будут достигаться цели исправления осужденных, предупреждения преступлений со стороны осужденных и иных лиц.

Вторая проблема выражается в разработке системы учета постпенитенциарного рецидива после освобождения из мест лишения свободы. Следует иметь в виду, что Концепция до внесенных в 2015 г. изменений без достаточных научно разработанных оснований исходила из неэффективности действующей системы исправительных учреждений. Поэтому в качестве стратегической задачи в Концепции было определено совершенствование системы исправительных учреждений путем открытия тюрем общего, усиленного и особого режимов, а также колоний-поселений с обычным и усиленным наблюдением. Между тем такие политические решения должны основываться на проверенных данных о неэффективности или, наоборот, об эффективности действующей системы исправительных учреждений. И в первую очередь

речь должна идти о степени достижения целей наказания, определенных в ч. 2 ст. 43 УК РФ и в ч. 1 ст. 1 УИК РФ

В-четвертых, существенно переработан раздел Концепции, посвященный труду и профессиональному обучению и образованию осужденных в местах лишения свободы.

Ряд изменений и дополнений Концепции направлен на обеспечение гарантий трудовых прав осужденных к лишению свободы, установленных Трудовым кодексом Российской Федерации, в том числе на отдых, включая предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска; на оплату труда не ниже установленного минимального размера; на увеличение размера заработанных денежных средств, направляемых на лицевой счет осужденного. Нормы труда должны быть приведены в соответствие с типовыми отраслевыми нормами. Предусматривается проработка вопроса об исключении обязательности труда осужденных, хотя по данной проблеме нет однозначного мнения среди ученых и практиков [9. С. 33–35]. В соответствии с законом о государственных закупках планируется размещать госзаказы на внеконкурсной основе. Ряд дополнений связан с обучением и профориентацией осужденных.

В-пятых, новая редакция абзаца 12 подраздела 3 Концепции предусматривает «активное использование научного потенциала научно-исследовательских институтов, образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний и организаций дополнительного профессионального образования во взаимодействии с другими образовательными организациями высшего образования и научными организациями ...» Ранее об использовании научного потенциала иных, не ведомственных, образовательных организаций высшего образования и научных организаций речи не было.

Данное положение Концепции имеет важное значение, так как позволяет объединить усилия различных образовательных и научно-исследовательских учреждений в научном исследовании актуальных проблем деятельности уголовно-исполнительной системы по исполнению уголовных наказаний. В этом контексте следует отметить имевшую место в 2015 г. подготовительную работу по обоснованию и выдвижению на конкурс проекта «Пенитенциарный кодекс гражданского общества». В настоящее время создан научный коллектив, который на базе юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова приступил к первому этапу, а именно к разработке научно-теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ). Этому способствовало то, что в 2015 г. на кафедре уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова открыт Научно-образовательный центр (НОЦ) «Проблемы уголовно-исполнительного права». С момента образования в рамках НОЦа и началась реализация социально значимого правового проекта – подготовка научно-теоретической модели Общей части нового УИК РФ. К этой довольно сложной творческой работе приступил коллектив ученых и практиков в области уголовного и уголовно-исполнительного права.

Несмотря на то, что собрался коллектив единомышленников, идут довольно жаркие дискуссии по основным понятиям и категориям уголовно-

исполнительного законодательства. К какому результату в итоге они приведут, покажет время. Первый вариант научно-теоретической модели Общей части УИК РФ обсудили в конце мая 2016 г. на круглом столе в рамках Российского конгресса уголовного права, который прошел 26–27 мая 2016 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова. Концепция разработки научно-теоретической модели Общей части УИК РФ, подготовленная автором настоящей статьи (одновременно научным руководителем проекта) и одобренная на заседании авторского коллектива, опубликована в журнале «Российский криминологический взгляд» [2. С. 319–326].

Специально необходимо подчеркнуть то, что при реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного движением «Гражданское достоинство» (<http://civildignity.ru>).

Уголовно-исполнительное законодательство. В законодательстве продолжилось действие тенденции гуманизации обращения с осужденными, создания гарантий их прав и законных интересов. Именно в этом контексте следует оценить принятие Федерального закона от 20 апреля 2015 г. № 103-ФЗ «О внесении изменений в статью 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, существенно дополнившего и изменившего обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных.

Указанным законом были регламентированы личные встречи осужденных со священнослужителями. Так, было предусмотрено, что к осужденным к принудительным работам, аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части или лишению свободы по их просьбе приглашаются священнослужители, принадлежащие к зарегистрированным в установленном порядке религиозным объединениям, по выбору осужденных. Личные встречи предоставляются без ограничения их числа продолжительностью до двух часов каждая с соблюдением действующих на территории учреждения, исполняющего наказание, правил внутреннего распорядка в присутствии представителя администрации учреждения.

В учреждениях, исполняющих наказания, осужденным гарантировано проведение религиозных обрядов и церемоний, пользование предметами культа и религиозной литературой. В этих целях администрации указанных учреждений при наличии возможности выделяют соответствующее здание (сооружение, помещение) на территории учреждения, исполняющего наказание.

Вместе с тем есть еще резервы для дальнейшего совершенствования нормативного регулирования обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных.

Так, в ч. 6 ст. 14 УИК РФ предусмотрено, что тяжело больным осужденным, а также осужденным к смертной казни перед исполнением приговора по их просьбе обеспечивается возможность совершить все необходимые религиозные обряды и церемонии с приглашением священнослужителей. Однако не

¹ Собрание законодательства РФ. 2015. № 17 (ч. IV). Ст. 2478.

всегда тяжело больной осужденный может изъявить такое желание по причине нахождения без сознания, в коме и т.д. Поэтому целесообразно дополнить редакцию данной части указанием на то, что в этих случаях религиозные обряды и церемонии могут проводиться по просьбе близких родственников осужденного.

Еще один вопрос требует разрешения – это обеспечение тайны личных встреч осужденного и священнослужителя, во время которых могут осуществляться религиозные обряды, в частности исповедь осужденных. В соответствии с ч. 4 ст. 14 УИК РФ по заявлению осужденного и с письменного согласия священнослужителя личная встреча, в том числе для проведения религиозных обрядов и церемоний, предоставляется наедине и вне пределов слышимости третьих лиц с использованием технических средств видеонаблюдения. Между тем в ч. 4 ст. 89 УИК РФ в качестве гарантии соблюдения адвокатской тайны установлено, что по заявлению осужденного свидания с адвокатом предоставляются наедине, вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания.

Из сопоставления этих двух норм вытекает вывод о том, что при личной встрече осужденного со священнослужителем могут использоваться технические средства прослушивания. В то же время такая коллизия двух норм не может позволять нарушать, например, тайну исповеди. Устранение данной коллизии видится в установлении равных гарантий тайны встречи как с адвокатом, так и со священнослужителем.

Федеральным законом от 6 апреля 2015 г. № 76-ФЗ «О внесении отдельных изменений в законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека»¹ в ст. 24 УИК РФ введена ч. 2.1. Согласно данному нововведению Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации при осуществлении своих полномочий вправе беседовать с осужденными наедине в условиях, позволяющих представителю администрации учреждения или органа, исполняющего наказания, видеть беседующих, но не слышать их. Данное нововведение представляет собой важную гарантию соблюдения прав человека в местах лишения свободы и одновременно эффективности деятельности российского омбудсмана. Однако и в этом случае были допущены системные просчеты, что еще раз свидетельствует о необходимости комплексного пересмотра положений УИК РФ.

Во-первых, указанная норма, построенная по образцу регламентации бесед членов общественных наблюдательных комиссий с осужденными, закрепляет существование трех различных режимов обеспечения тайны бесед (свиданий) осужденных: с адвокатами, оказывающими осужденным юридическую помощь (ч. 4 ст. 89 УИК РФ); со священнослужителями (ч. 4 ст. 14 УИК РФ); с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации (ч. 2.1 ст. 24 УИК РФ), а также с членами общественных наблюдательных комиссий (ч. 2 ст. 23 УИК РФ). Едва ли законодатель объяснит целесообраз-

¹ Собрание законодательства РФ. 2015. № 14. Ст. 2016.

ность различий в данных режимах, почему, например, свидания с адвокатом нужно проводить без применения технических средств прослушивания, а встречи высшего должностного лица Российской Федерации, специально уполномоченного на защиту прав человека, в условиях, когда применение технических средств прослушивания возможно.

Во-вторых, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации и уполномоченным по правам человека в субъектах Российской Федерации при осуществлении своих полномочий предоставили право беседовать с осужденными наедине в условиях, позволяющих представителю администрации учреждения или органа, исполняющего наказания, видеть беседующих, но не слышать их. Однако почему-то проигнорировали Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, а также региональных омбудсменов по этим специализированным вопросам. Они также указаны в пунктах «е» и «ж» ч. 1 ст. 24 УИК РФ как субъекты посещения учреждений и органов, исполняющих наказания, без специального на то разрешения. Посещать без специального на то разрешения указанным должностным лицам доверили, а беседовать с осужденными наедине нет? Откуда же такое недоверие, на чем оно основано? Вряд ли мы услышим аргументированные ответы на эти вопросы.

Как нам представляется, если есть недоверие к этим лицам, подозрения в их коррупционности, то не надо назначать их на столь высокие государственные должности. А если назначили, то должны предоставить все правовые возможности для эффективного выполнения ими своих обязанностей, в том числе и право беседы с осужденными наедине.

В-третьих, предоставление возможности посещения учреждений и органов, исполняющих наказания, федеральными и региональными омбудсменами без специального на то разрешения и права бесед с осужденными наедине не самоцель. Это должно быть важным и действенным средством предупреждения нарушений прав человека, прежде всего в местах лишения свободы. Для того чтобы оно стало таковым, учитывая масштаб страны в целом и уголовно-исполнительной системы в частности (лишение свободы исполняется более чем в 1100 исправительных учреждениях различного вида), необходимо предоставление права посещения этих учреждений и органов без специального на то разрешения сотрудникам рабочих аппаратов уполномоченных, проводящих в соответствии с распоряжением соответствующего омбудсмана проверку нарушений прав человека во время отбывания наказания. Этим же лицам также необходимо предоставить право беседы с осужденными наедине в условиях визуального наблюдения за их действиями.

Кроме того, вышеуказанные и иные субъекты посещения учреждений и органов, исполняющих наказания, должны обладать и иными полномочиями при таких посещениях. Данные полномочия в виде отдельной нормы в Общей части УИК РФ могли бы быть представлены в следующей редакции:

«Статья 24-1 Полномочия лиц, посещающих учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, без специального на то разрешения»

1. Лица, пользующиеся правом посещения учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, без специального на то разрешения, вправе:

1) проводить прием осужденных по личным вопросам, включая жалобы о нарушении их прав и законных интересов;

2) запрашивать и получать от администрации учреждения или органа, исполняющего уголовные наказания, сведения, документы и материалы, необходимые для рассмотрения жалобы;

3) получать объяснения персонала учреждения или органа, исполняющего уголовные наказания, по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалобы;

4) иметь личную встречу с осужденными наедине и вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания. Для контроля за соблюдением участниками беседы правил их проведения ведется визуальное наблюдение, в том числе с использованием технических средств видеонаблюдения. В случае попытки передачи осужденному запрещенных к хранению и использованию предметов, веществ и продуктов питания, а также в случае возникновения угрозы безопасности лиц, находящихся на встрече, последняя немедленно прекращается.»

Тенденция гуманизации в 2015 г. затронула уголовно-правовое содержание наказания в виде пожизненного лишения свободы, поэтому ее необходимо оценивать в первую очередь с позиций уголовной политики, не забывая и интересы уголовно-исполнительной политики. О каких проявлениях гуманизма к осужденным к пожизненному лишению свободы идет речь?

Первое. Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в части увеличения ежемесячных денежных сумм, предусмотренных для приобретения осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости»¹ были внесены изменения в УИК РФ в части повышения денежных сумм, которые осужденные могут дополнительно к питанию, гарантированно предоставляемому государством, расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Дело в том, что такое нормирование необходимо, и оно дифференцировано в зависимости от ряда признаков, в том числе от вида режима и поведения осужденного. Периодически вследствие инфляции возникает необходимость повышать эти нормы, что и сделано было в указанном выше федеральном законе. Но как сделано?

Наибольшее увеличение с 500 до 5000 рублей предусмотрено для осужденных злостных нарушителей режима, переведенных в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа, в одиночные камеры в порядке взыскания, т.е. в 10 раз. Также в 10 раз, с 600 до 6000 рублей, возросли возможности тратить деньги на строгим режиме в тюрьме, где отбывают наказание наиболее опасные преступники и злостные нарушители режима, в том

¹ Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4386.

числе и отдельные лица, осужденные за терроризм. Почти в 9,5 раза увеличена норма в строгих условиях в колонии особого режима, где отбывают наказание наиболее опасные преступники, в том числе и основная масса лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, и осужденные за серийные убийства (включая педофилов) и за терроризм. Для сравнения: для не столь опасных осужденных и для положительно характеризующихся осужденных, например в обычных условиях колонии общего режима, норма расходования денег возросла все лишь в 3 раза, в облегченных условиях колонии строгого режима – в 3 раза, в облегченных условиях воспитательной колонии (для несовершеннолетних) – в 1,9 раза.

Почему же осужденным к пожизненному лишению свободы столь непропорционально увеличили нормы расходования денег? Попытаемся найти ответ на этот вопрос в пояснительной записке Правительства РФ к указанному закону.

Как явствует из пояснительной записки, *«при увеличении указанных сумм в законопроекте за основу при расчетах использована сумма, эквивалентная минимальному размеру оплаты труда, действующему с 1 января 2014 года (5500 рублей). В соответствии с УИК осужденным, отбывающим наказание в тюрьмах на строгом режиме, разрешено расходовать ежемесячно на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости 600 рублей. Законопроектом предлагается заменить данную сумму суммой, эквивалентной минимальному размеру оплаты труда, действующему с 1 января 2014 года (5500 рублей). При этом вышеуказанная сумма использована в качестве основы для последующих расчетов размеров денежных средств, разрешенных для расходования на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, в зависимости от условий отбывания наказания путем увеличения на 20–90%».*

Как видно, пояснительная записка написана так, чтобы никто не понял истинного смысла вносимых изменений. Необходимо сказать, что законопроект и пояснительная записка к нему были подготовлены в стенах Минюста России. Очень тихо, без каких-либо обсуждений и консультаций с учеными, правозащитниками, он прошел по инстанциям и был внесен в Государственную Думу Правительством Российской Федерации.

Для ясности следует отметить, что по причине инфляции необходимо было увеличить нормы расходования денег осужденными в местах лишения свободы. Исходя из размеров инфляции всем категориям можно было поднять эти нормы в 2–2,5 раза. Но когда в 10 раз поднимают эти нормы наиболее опасным преступникам и злостным нарушителям режима, а остальным осужденным в 2–3 раза, то это наводит на размышления об истинной природе таких проявлений гуманизма.

Второе. Большой Палатой Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) 30 июня 2015 г. единогласно принято постановление по делу «Хорошенко против Российской Федерации». Заявитель просил признать нарушающими права человека нормы УИК РФ, не предусматривающие осужденным к пожизненному лишению свободы и его супруге иметь длительные свидания в первые минимум 10 лет заключения.

В данном постановлении ЕСПЧ отметил, что комбинация различных длительных и суровых ограничений возможности заявителей иметь свидания в колонии и тот факт, что оспариваемые условия свиданий в колонии не придавали должного значения принципу соразмерности и необходимости перевоспитания и реинтеграции осужденных к пожизненному лишению свободы, не позволяют констатировать установление справедливого равновесия между правом заявителя на защиту личной и семейной жизни, с одной стороны, и целей, на которые ссылались власти государства-ответчика, – с другой. В этом отношении государство-ответчик вышло за рамки своей свободы усмотрения и допустило нарушение ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющей право на уважение личной и семейной жизни. В порядке применения ст. 41 этой же Конвенции ЕСПЧ присудил заявителю 6 000 евро в порядке компенсации морального вреда¹.

В настоящее время в Конституционном Суде Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) на предварительном изучении находится жалоба граждан Н.К. и В.К. на нарушение их конституционных прав пунктом «б» ч. 3 ст. 125 («Условия отбывания лишения свободы в исправительных колониях особого режима») и ч. 3 ст. 127 («Условия отбывания лишения свободы в исправительных колониях особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы») УИК РФ, не предусматривающими осужденному на пожизненный срок и его супруге иметь длительные свидания в первые минимум 10 лет заключения и ограничивающими краткосрочные свидания двумя свиданиями в год. Такой режим содержания осужденных, по мнению заявителей, нарушает право осужденного и его жены на семейную жизнь, является жестоким, бесчеловечным, унижающим человеческое достоинство обращением и наказанием по отношению к заключенному на пожизненный срок и по отношению к его жене. Как следствие, отсутствие длительных свиданий порождает невозможность естественным образом зачать ребенка, а также зачать ребенка с применением вспомогательных репродуктивных технологий.

В 2016 г. Конституционному Суду РФ предстоит принять решение по жалобе граждан Н.К. и В.К.² Можно предположить, что позиция Конституционного Суда РФ будет предопределена вышеприведенным решением Европейского суда по правам человека «Хорошенко против России». Однако в настоящее время имеется и иной вариант. В известном Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П Конституционный Суд РФ констатировал, что ни международный договор, ни правовые позиции Европейского суда по правам человека не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Россий-

¹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание 2015. № 10. С. 35–37.

² В соответствии со ст. 49 и 50 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации О.С. Хохрякова обратилась к декану юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.К. Голиченкову с предложением специалистам факультета в области права изложить свое профессиональное мнение по проблеме. Соответствующее заключение по поставленным в запросе вопросам подготовлено автором настоящей статьи и направлено в Конституционный Суд Российской Федерации.

ской Федерации. В случае если Конституционный Суд РФ придет к выводу, что постановление Европейского суда по правам человека, поскольку оно основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению. Соответственно Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции¹.

Таким образом, можно констатировать, что ряд изменений в уголовно-исполнительной политике и уголовно-исполнительном законодательстве направлен на введение дополнительных гарантий соблюдения прав человека в местах лишения свободы и повышение эффективности деятельности правозащитных организаций. При всех недостатках закрепления таких гарантий нормами уголовно-исполнительного законодательства действие общей тенденции приоритетного внимания к соблюдению прав человека получило в 2015 г. свое подтверждение.

Несмотря на сложную криминальную ситуацию в России, в уголовной и уголовно-исполнительной политике в 2015 г. продолжилось действие тенденции гуманизации исполнения лишения свободы. Об этом свидетельствуют изменения и дополнения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., внесенные Распоряжением Правительства Российской Федерации №1877-р от 23 сентября 2015 г. В уголовно-исполнительном законодательстве данная тенденция впервые проявила себя в отношении осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Тенденция к широкомасштабному переходу на тюремное содержание осужденных к лишению свободы, зародившись в 2009–2010 гг., фактически утратила свое влияние начиная с 2012 г. Юридически она была «дезаурирована» лишь в 2015 г. принятием изменений и дополнений в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. Такие колебания в уголовно-исполнительной политике в числе других негативных последствий, как нам представляется, дискредитировали саму идею построения тюремной системы, отвечающей международным европейским стандартам. На какое время «прививка» от перехода на тюремное содержание осужденных к лишению свободы сохранит свое действие, покажет развитие экономической и социально-политической обстановки в стране.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // РГ. Федеральный выпуск. 2015. № 6734. 27 июля.

Литература

1. Посмаков П.Н. Сепарация системы наказаний // Независимая газета. 2013. 5 марта.
2. Селиверстов В.И. Концептуальные основы подготовки научно-теоретической модели Общей части нового УИК РФ // Российский криминологический взгляд. 2015. № 2.
3. Селиверстов В.И. Тюремный класс. Профайл автора на сайте ТАСС. 1 сентября 2014, 14:12 UTC+3 <http://tass.ru/opinions/1597428> <http://itar-tass.com/opinions/2232>
4. Селиверстов В.И. Концепция развития уголовно-исполнительной системы должна быть изменена // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сб. материалов круглого стола, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ О.В. Филимонова (г. Москва, юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая 2013 года) / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. М.: Юриспруденция, 2014.
5. Селиверстов В.И. Тюрьмы не должны быть основным видом наказания // Независимая газета. 2012. 2 окт.
6. Селиверстов В.И. Тюремные фантомы // Независимая газета. 2012. 4 дек.
7. Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы, перспективы. М.: Изд-во PRI, 2013. 68 с.
8. Уткин В.А. Куда сядем // Независимая газета. 2012. 4 дек.
9. Филимонов О.В. О концептуальных вопросах развития уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сб. материалов круглого стола, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ О.В. Филимонова (г. Москва, юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая 2013 года) / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. М.: Юриспруденция, 2014.

Seliverstov Vyacheslav I. Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

CHANGES IN PENAL POLICY AND PENAL LEGISLATION IN THE SPHERE OF ENFORCING IMPRISONMENT.

Key words: penal policy, penal legislation, penal system, sphere of enforcing imprisonment.

Penal policy. The Concept of Penal System in the Russian Federation (the Concept) till 2020 was adopted in 2010. It was confirmed by the Government Decree № 1772-P dated 14.10.2010 and that fact caused some bewilderment since earlier such conceptual documents had been passed by the President of the Russian Federation.

Practically all the attempts to realize the Concept failed. Scientists, practitioners and rights advocates wrote about the need to amend the document, rectify its drawbacks and criticized the developers of the Concept for their adventurism. Therefore, we can say with satisfaction that the Government Decree № 1877-P dated 23.09.2015 introduced a number of principal changes and supplements into the Concept.

Firstly, the section about a gradual transition to a prison confinement of convicts was excluded. The above section provided for 246 conventional prisons (including 58 prisons for women), 161 medium security prisons and 21 maximum security prisons, all in all 428 prisons to be built according to international and European standards by 2016. Secondly, reference to the division of convicts into those "capable of resocialization" and those not capable was excluded from the Concept. Some theoretical provisions about the possibility to apply the theory of Cesare Lombroso to penitentiary practice in Russia failed and were excluded from the political document under consideration.

Thirdly, the Concept was supplemented by a new section "Enforcement of rights and legal interests of convicts and detainees" which included a complex of political, legal and organizational measures. Fourthly, the section of the Concept which deals with labor, professional education and training of prisoners has been heavily revised.

Fifthly, a revised version of Item 12, Subsection 3 of the Concept provides for "active use of scientific potential of research institutes, organizations for higher professional education of the Federal Penitentiary Service and organizations for supplementary education in coordination with other higher educational establishments and scientific organizations". The use of a scientific potential of other, not in-house higher educational establishments and scientific organizations was never mentioned before.

Penal legislation. Our legislation tends to continue humanization of the treatment of prisoners, guarantee their rights and legal interests. The adoption of Federal law № 103 FZ of 20.04.2015 "On

changes into Article 14 of the Penal law of the Russian Federation and some legislative acts of the Russian Federation” which supplemented and changed the securing of freedom of conscience and religion of convicts should be evaluated in this very context.

Despite a complicated criminal situation in Russia in 2015, both penal and criminal policy was aimed at humanization of the execution of sentences. This is proved by changes and supplements to the Concept of Penal System in the Russian Federation till 2020 introduced by the Government Decree № 1877-P dated 23.09.2015. In penal legislation the above tendency proved itself for the first time in regard to those sentenced to life imprisonment.

References

1. Posmakov, P.N. (2013) Separatsiya sistemy nakazaniy [The separation of system of penalties]. *Nezavisimaya gazeta*. 5th March.
2. Seliverstov, V.I. (2015) Kontseptual'nye osnovy podgotovki nauchno-teoreticheskoy modeli Obshchey chasti novogo UIK RF [The conceptual bases of preparation of the scientific and theoretical model of the General Part of the New Criminal Enforcement Code]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad – Russian Criminological Outlook*. 2.
3. Seliverstov, V.I. (2014) *Tyuremnyy klass. Profayl avtora na sayte TASS. 1 sentyabrya 2014, 14:12 UTC+3* [The Prison class. The author's profile on the TASS website. September 1, 2014, 14:12 UTC + 3]. [Online] Available from: <http://tass.ru/opinions/1597428> <http://itar-tass.com/opinions/2232>.
4. Seliverstov, V.I. (2014) Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy dolzhna byt' izmenena [The concept of development of the correctional system should be changed]. In: Seliverstov, V.I. & Utkin, V.A. (eds) *Ugolovno-ispolnitel'naya politika, zakonodatel'stvo i pravo: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Penal policy, legislation and law: Modern state and prospects for development]. Moscow: Yurisprudentsiya.
5. Seliverstov, V.I. (2012) Tyur'my ne dolzhny byt' osnovnym vidom nakazaniya [Prisons should not be the main form of punishment]. *Nezavisimaya gazeta*. 2nd October.
6. Seliverstov, V.I. (2012) Tyuremnye fantomy [Prison phantoms]. *Nezavisimaya gazeta*. 4th December.
7. Utkin, V.A. (2013) *Al'ternativnye sanktsii v Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Alternative sanctions in Russia: State, problems and prospects]. Moscow: PRI.
8. Utkin, V.A. (2012) Kuda syadem [Where to be imprisoned]. *Nezavisimaya gazeta*. 4th December.
9. Filimonov, O.V. (2014) O kontseptual'nykh voprosakh razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii [On the conceptual issues of the Russian penal systems]. In: Seliverstov, V.I. & Utkin, V.A. (eds) *Ugolovno-ispolnitel'naya politika, zakonodatel'stvo i pravo: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Penal policy, legislation and law: Modern state and prospects for development]. Moscow: Yurisprudentsiya.